

Култ Вечной Женственности в житнетворческой парадигме Эллиса

В 1903 г. при непосредственном участии Эллиса был организован кружок «аргонавтов», определивший во многом основные черты русского младосимволизма¹. Именно Эллис придумал его название, отсылающее к древнегреческому мифу о путешествии за золотым руном. Основу кружка составили А. Белый, А. С. Петровский, В. В. Владимирова, С. М. Соловьев. По точной формулировке А. В. Лаврова, «ощущение “конца века” и чувство “рубежа”, за которым должно открыться “все новое”, были основными объединяющими мотивами в формировании этого сообщества. <...> Цель “аргонавта”, достижение которой приобретает эсхатологический смысл, — пересоздать мир по возникающей в его сознании идеальной модели» [Лавров 1978: 140].

Краеугольными камнями философско-эстетической концепции кружка явились образы Ф. Ницше и Вл. Соловьева:

Возвестивший о «конце всемирной истории», предстоящей катастрофе, сокрушительной для существующего мира зла, разобщенности и эгоизма, Соловьев заставил «аргонавтов» поверить в истинность их «мистических зовов». <...> Заветы и откровения Соловьева, его пророчества о скором исполнении эсхатологических сроков, борьбе с «антихристом», за которой последует мистерия окончательного гармонического соединения земного и небесного начал, породили тематику «аргонавтических» медитаций [Лавров 1978: 142].

Своеобразным итогом деятельности кружка «аргонавтов» явились два литературно-философских сборника «Свободная совесть», в предисловии к первому из которых авторы провозглашали Вл. Соловьева своим предшественником и соратником².

¹ Наиболее полно деятельность кружка освещена в работах А. В. Лаврова [см.: Лавров 1978; Лавров 1995].

² «Вместе с Вл. Соловьевым мы полагаем, что христианская истина, не отрекаясь от себя, может воспользоваться всеми произведениями ума, может сочетать веру религиозную со свободною философскою мыслью» [Свободная совесть 1906: б/н].

Кружок «аргонавтов» не только обозначил эстетические ориентиры Эллиса, но и провозгласил отношение к жизни, как к тексту, выстраиваемому по символистским законам жизнетворчества:

«Аргонавты» возвести о «жизнетворчестве» как своей основной, принципиальной задаче, которая и породила коллективные устремления к мифизации обыденного бытия, человеческих отношений, художественной деятельности [Лавров 1978: 137].

Роль Вл. Соловьева в этом аспекте для Эллиса явилась едва ли не решающей.

Ф. Б. Поляков в статье «Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского)» [см.: Поляков 1998] убедительно доказывает, что именно Вл. Соловьев определил жизнетворческую парадигму поведения Эллиса, окончательно сформировавшуюся в заграничный период жизни. На примере переводческой, общественной и религиозной деятельности Эллиса исследователь показывает, как поэт переносит соловьевский миф в свой собственный биографический текст:

Воспринимая себя его (Вл. Соловьева. — *Е. Г.*) учеником и последователем, Эллис сумел придать воздействию его личности жизнетворческий потенциал. Он не только предстает интерпретатором и переводчиком <...> сочинений Соловьева на немецкий, но и стремится модифицировать диалог между Западом и Востоком, создав сориентированный на Соловьева новый культурный код общения [Поляков 1998: 135].

В этом контексте идея Вечной Женственности также не могла быть оставлена в стороне, а попытки ее освоения начались еще в доэмигрантский период жизни Эллиса.

Из известных нам биографических материалов, имеющих отношение к личной жизни Эллиса, следует, что впервые попытка осмысления роли женщины в мире предпринята им в «Дневнике 1905 г.» [см.: Эллис 2003: 333—349]. В это время Эллис переживает любовную драму с некой N., а потому пытается найти объяснения

своим неудачам, разобраться в особенностях любовного чувства и сформулировать свое отношение к женщине. Высшей формой любви, по Эллису, является «мистическая, сверхчувственная любовь» [Эллис 2003: 336], которая «стремится превратиться либо в ощущение бесконечности, либо в “великое Ничто”!» [Эллис 2003: 336]. Страстная земная любовь способна погубить душу, а брак, в котором, в представлении Эллиса, любовь в принципе невозможна, приравнивается им к «проституции оптом» [Эллис 2003: 344]. В этой бездне, разделяющей высшую мистическую любовь от той, с которой сталкивается Эллис в жизни, и заключена трагедия его души:

Что касается женщин, я не могу даже говорить с ними... Почему? Потому, что, лишь дело доходит до моего «святого святых», я чувствую их ироническое удивление — их непонимание. Есть ли у них души?! Прав был Бодлэр, отдавший предпочтение публичным женщинам перед всеми другими!

Но я не способен понять даже этих «женщин», ибо образ Беатриче неизгладим в моей душе... [Эллис 2003: 341].

Подобные мысли Эллис высказывал и в недатированной записной тетради [см.: НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. хр. 22], относящейся примерно к этому же периоду времени. Эллис выделял два типа женщины:

1) Женщина Мадонна, ангел.

Женщина-телесная Мечта.

2) Женщина = *Жрица любви* [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. хр. 22: 4].

Брак, по мысли Эллиса, «находится посередине — поэтому он — банален <нрзб.> преступен», «он стирает личность» [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. хр. 22: 4].

Беатриче вновь провозглашается поэтом как эталон женщины и порождаемой ею любви:

Все-таки в любви единственное важное и ценное — *мечта*.

Опьянение в страсти, сжигая плоть, зажигает мгновенно мечту.

Чистый культ Беатриче — сжигая сердце — родит потаенную грезу.

Все остальное для свиней и собак! [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 10. Ед. хр. 22: 6 об.]

Незадолго до отъезда из России Эллис в письме к М. И. Сизовой⁵ предпринял попытку подвести итог своей жизни и поисков идеальной любви. В его формулировках отчетливо звучит отсылка к соловьевскому мифу о встрече с Софией:

Мне 33-й год, погибла молодость, свежесть духа, непосредственность и вера в возможность счастья. <...> Я знаю, что в самом лучшем случае мое отношение к Нине⁶ может дать мне искорку света и кусочек счастья, дать то, без чего жить окончательно невыносимо, но я не могу забыть того, о какой великой любви я мечтал так долго, так безысходно, так смешно, так неразумно. «Встречи» мне суждено не было, все сроки прошли, были одни ошибки <...> Все лучшее и совершенно чистое у меня связано с Вами. Я не нашел жены, но я нашел *сестру* именно в Вас. И за это я благодарю судьбу [РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 44: 1—2].

Именно Сизова в последние годы «московской» жизни Эллиса являлась тем недостижимым идеалом, к которому он так стремился. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится довольно обширный корпус их переписки, который наглядно демонстрирует, как происходил процесс мифологизации образа Сизовой в сознании Эллиса и придание ей черт дантовской Беатриче⁷. Эта мифологема прочно закрепилась за ней в восприятии современников, превратившись в сознательную мифотворческую интерпретацию. Так, например, А. И. Цветаева в «Воспоминаниях» называет Сизову «Беатриче Эллиса» [Цветаева 2008: 429], а М. В. Сабашникова в своих мемуарах «Зеленая змея» так описывает встречу Эллиса и Сизовой в Германии:

⁵ Сизова М. И. (1899—1969) — антропософка, литератор, близкая подруга Эллиса. Впоследствии — жена В. М. Викентьева.

⁶ Возможно, имеется в виду Н. П. Боброва, сестра поэта С. П. Боброва. Ее три письма к Эллису хранятся в РГАЛИ [см.: РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1, Ед. хр. 28].

⁷ Письма Эллиса Сизовой по своему формату и отраженным в них особенностям эпохи стоят в одном ряду с письмами А. Белого М. К. Морозовой, А. Блока Л. Д. Менделеевой. Подробнее о них см.: Лавров, Малмстад 2006; Берендеева 2010.

Эллис уже приехал из Берлина, он годами боготворил Марию С. как свою Беатриче, а она приехала сюда в сопровождении Викентьева, как его невеста. Эллис вне себя. Он говорил о своем горе со Штейнером, убеждая его, что «она предназначена ему Провидением» [Волошина 1993: 204].

В письме к Э. К. Метнеру сам Эллис объяснял произошедшее следующим образом:

В инциденте с М. Сизовой Вы ровно ничего не понимаете, к сожалению. Но Вы должны же верить мне (я с Вами абсолютно откровенен), что причина моего безумного протеста бесконечно-глубока и далека от всего чувственного, личного и всякой влюбленности (розовых ручек и т. д.), к~~ото~~рым не место около Мейстера. Довольствуйтесь тем, что Д~~окто~~р лично сказал мне, что я связан с ней в прежней инкарнации и что эта связь имеет отношение к эзотеризму. Только это между нами совершенно. <...> Верьте, что я искал всегда у женщин воспоминаний о Рае Небесном или благоухающего Ада, глумясь над системой конституционной страсти и двупостельной мистерии брака. Теперь всякий Ад мне далек [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 65: 1].

В конце концов свой женский идеал Эллис нашел в лице одной из ближайших учениц Р. Штейнера — Иоганны ван дер Мойлен⁸:

То, что искал я прежде, то нашел около Учителя, встретил здесь женщину, чуждую всяких браков, постелей и розовых ручек, но ясновидящую и спасшую меня от безумия <...> Прекрасная Дама, которая помнит меня в прежней инкарнации, именно в средневековой [НИОР РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 65: 1].

Сведений о жизни Иоганны ван дер Мойлен немного. Известно, что она родилась в Амстердаме, в знатной и богатой семье; отец ее был судьей, и денежные средства из семейного фонда оказались позже единственным источником их совместного существования с Эллисом. Она была убежденной антропософкой и одной из ближайших учениц Штейнера. По поручению Доктора весной 1912 г. она сблизилась с Эллисом с целью помогать ему

⁸ Иоганна ван дер Мойлен (Johanna van der Meulen) (?—1959) — урожденная голландка, ученица Р. Штейнера, с 1912 г. близкая подруга и спутница Эллиса.

